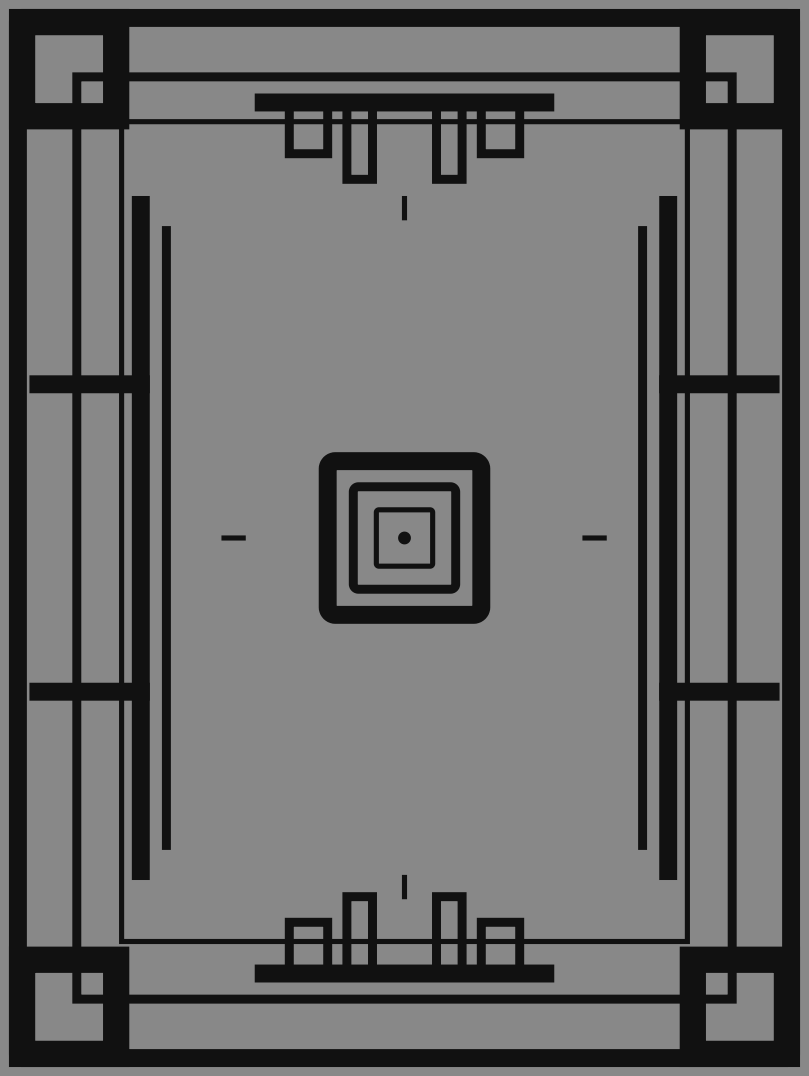

Возвращение Веры
Джим Бучер

Аннотация
Джим Бучер. Возвращение веры

Аннотация

Рассказ об одном небольшом приключении Гарри Дрездена в начале его карьеры сыщика и волшебника, происходит за несколько лет до первого романа, "Гроза из преисподней". В России не издавался

Джим Бучер
Возвращение веры

Я с трудом пытался удерживать воющего ребёнка, одновременно на ощупь пихая в таксофон четвертак, и тыкая пальцем кнопки, чтобы набрать номер мобильника Ника.

— Детективное агентство «Рваный Ангел», — ответил Ник. Голос его мне показался напряжённым, тревожным.

— Это Гарри, — сказал я. — Можешь расслабиться, приятель. Я её нашёл.

— Нашёл? — спросил Ник. Он глубоко выдохнул. — О Боже, Гарри.

Девчонка подняла один из своих оксфордов[1], и лягнула меня в голень. Попала, и достаточно больно, чтобы заставить меня подскочить. Выглядела она как мечта любого родителя, будучи возрастом в восемь или девять лет, с ямочками на щеках и собранными в два хвостика тёмными волосами… несмотря на испачканную уличной грязью школьную форму. И у неё были сильные ноги.

Я получше перехватил девчонку, и снова оторвал её от земли, пока она продолжала изворачиваться и извиваться.

---

[1] Примечания: 1

Оксфорды — вид ботинок с V-образной конструкцией берцев (в отличие от более привычной и распространённой конструкции берцев типа «дерби»).

— Ай. Да не дёргайся ты.

— Опусти меня, каланча, — ответила она, повернувшись, чтобы злобно взглянуть на меня, а потом снова начала лягаться.

— Слушай внимательно, Гарри, — сказал Ник. — Тебе надо отпустить девчонку немедленно, и уходить прочь.

— Чего? — сказал я. — Ник, Асторы же дадут нам двадцать пять тысяч за её возвращение до девяти вечера.

— У меня для тебя плохие новости, Гарри. Они нам ничего не заплатят.

Я вздрогнул.

— Ох. Может, мне тогда просто оставить её в ближайшем участке.

— Это ещё не все плохие новости. Родители объявили, что девчонка была похищена. И на полицейской волне по всему Полицейскому Управлению Чикаго распространяются описания двух людей — угадай, кому они соответствуют.

— Микки и Дональду?

— Хах, — сказал ник. Я услышал, как он щёлкнул зажигалкой, и затянулся. — Размечтался.

— Полагаю, для Мистера и Миссис Надменность более постыдно, что их дочка сбежала, чем то, что её похитили.

— Чёрт. Да похищенный ребёнок ещё не один месяц даст им повод для разговоров на их вечеринках. И заставит их выглядеть более богатыми и знаменитыми, чем их друзья. Конечно, мы-то будем в тюрьме, но разве это важно?

— Они сами к нам пришли, — возразил я.

— Но расскажут они всё иначе.

— Чёрт побери, — сказал я.

— Если тебя поймают вместе с ней, то проблемы могут быть у нас обоих. У Асторов есть связи. Бросай девчонку, и возвращайся домой. Ты там уже всю ночь бродишь.

— Нет, Ник, — сказал я. — Я так не могу.

— Пусть её парни в синем вернут. Это и меня, и тебя избавит от проблем.

— Я на Северном Проспекте, и уже ночь. Я не оставлю девятилетнюю девочку здесь одну-одинёшеньку.

— Десять, — в ярости крикнула девочка. — Мне десять, бесчувственное ты ничтожество! — Она принялась ещё лягаться, а я держал себя более-менее в удалении от её ног.

— Какой милый у неё голосок. Просто отпусти её, Гарри, если преступники её найдут, то они сами виноваты.

— Ник.

— Ох, черт побери, Гарри. Опять ты за свою нравственность уцепился.

Я улыбнулся, но улыбка была натянутой, а нутро у меня пенилось от гнева:

— Слушай, мы что-нибудь придумаем. Просто приезжай сюда, и забери нас.

— А с твоей машиной что случилось?

— Сломалась сегодня, после обеда.

— Опять? А как насчёт метро[2]?

— Я на мели. Ник, мне надо, чтобы кто-то меня подбросил. Я не могу вернуться с ней в офис пешком, но и не хочу стоять здесь, в общественном таксофоне, и насильно её удерживать. Так что приезжай, и забери нас.

— Не хочу провести время в обезьяннике просто потому, что ты не можешь унять свою совесть, Гарри.

— А что насчёт твоей совести? — огрызнулся я. Ник мог болтать всё что угодно. Но когда доходило до дела, он тоже мог оставить девчонку одну в этой части города.

Ник прорычал что-то, прозвучавшее похожим на ругательство, затем сказал:

— Ладно, хрен с тобой. Но я не могу легко пере-

---

[2] Примечания: 2

Имеется ввиду наземное метро Чикаго, известное как L.

сечь реку, так что буду на той стороне моста. Тебе всего лишь надо пересечь с ней мост, и не попадаться никому на глаза. Полицейские патрули в этой части города будут тебя искать. Полчаса. Если тебя там не будет, ждать я не собираюсь. Места там неспокойные.

— Верь в меня, приятель. Я буду там.

Мы повесили трубки, не попрощавшись.

— Ладно, малышка, — сказал я. — Перестань меня пинать, и давай-ка поговорим.

— К чёрту тебя, мистер, — крикнула она. — Отпусти меня, пока я тебе ногу не сломала.

Я вздрогнул от визгливой ноты, которую взял её голос, и отошёл от телефона, наполовину таща, наполовину неся её с собой, и нервно оглядываясь по сторонам. Ещё не хватало, чтобы какие-то добропорядочные горожане побежали ребёнку на помощь.

Улицы были пусты, опускающаяся тьма быстро заполняла промежутки, остававшиеся в тех местах, где уличные фонари были разбиты. В окнах горел свет, но никто не вышел в ответ на крики девчонки. В таких районах люди закрывали на всё глаза, и не вмешивались.

Ах, Чикаго. Как можно не любить большие, расползшиеся американские города. Разве совре-

менная жизнь не сказка? Я вполне мог бы быть настоящим извращенцем, а не иметь подходящую под него внешность — и никто бы ничего не сделал.

От этой мысли меня слегка замутило.

— Слушай. Я знаю, сейчас ты злишься, но поверь мне, я делаю для тебя как лучше.

Она перестала лягаться, и зыркнула на меня:

— Откуда тебе знать, как для меня лучше?

— Я старше тебя. Мудрее.

— Тогда почему ты одет в этот плащ?

Я опустил взгляд на мой большой чёрный дастер[3], с его тяжёлой пелериной и длинными складками парусины, болтавшимися вокруг моего весьма тощего тела.

— А что с ним не так?

— Ему самое место на съёмочной площадке «Эль Дорадо», — огрызнулась она. — Ты кого там собираешься играть, Ичабода Крейна или Ковбоя Мальборо?

Я фыркнул:

— Я — волшебник.

Она одарила меня скептическим взглядом, который бывает только у детей, которые недавно

---

[3] Примечания: 3

«Дастер», он же «пыльник» — фасон плаща, который носит Гарри.

пережили отрезвляющую травму — выяснили, что Санта Клауса не существует. (Ирония в том, что он как раз существует… но не может работать в том масштабе, благодаря которому когда-то люди в него верили. Опять же — современная жизнь.)

— Это что, шутка, — сказала она.

— Но я же тебя нашёл, верно?

Она хмуро глянула на меня:

— Как именно ты меня нашёл? Я думала, что нашла идеальное укрытие.

Я продолжил идти в сторону моста:

— Оно бы и было таковым, где-то в течение десяти минут. А потом тот мусорный контейнер наполнился бы крысами, ищущими чем бы подкрепиться.

Лицо девчонки слегка позеленело:

— Крысы?

Я кивнул. Может, если повезёт, мне удастся расположить девчонку к себе.

— Хорошо, что у твоей матери была в сумочке твоя расчёска. Я смог забрать с неё пару волос.

— И?

Я вздохнул:

— И я использовал немного томатургии, и она привела меня прямо к тебе. Большую часть пусти

пришлось проделать пешком, но — прямо к тебе.

— Тома…чего?

Уж лучше вопросы, чем лягание. Я продолжал отвечать. Чёрт, да мне нравилось отвечать на вопросы о магии. Может, дело в профессиональной гордости.

— Томатургия. Ритуальная магия. Создаёшь символические связи между реальными людьми, местами, или событиями, и представляющими их моделями. Затем вкладываешь немного энергии, чтобы что-то случилось в малом масштабе, и что-то происходит и в большом масштабе…

Как только я отвлёкся, отвечая на её вопрос, девчонка наклонила голову, и укусила меня за кисть.

Я заорал что-то, что, наверное, не следовало говорить в присутствии ребёнка, и отдёрнул руку. Девчонка упала на землю, ловкая как обезьяна, и бросилась к мосту. Я встряхнул кистью, зарычал на себя, и побежал следом за ней. Она была быстрой, хвостики вились за ней следом, ботинки и изгвазданные гольфы так и мелькали.

До моста — это было древнее, двухполосное сооружение, аркой пересекавшее реку Чикаго — она добралась первой, и выбежала на него.

— Стой! — крикнул я вслед. — Не надо! — Она

не знала этот город так, как его знал я.

— Лошара, — весело крикнула она в ответ. И продолжила бежать.

Ну, до тех пор, пока большая, эластичная, волосатая рука не выползла из-под канализационного люка на вершине моста, и не обхватила своими скользкими пальцами одну из её щиколоток. Девчонка заорала от внезапного ужаса, повалилась вперёд на асфальт, ссаживая кожу на обеих коленках. В свете немногих ещё работавших уличных фонарей кровь на её гольфах блеснула тёмными пятнами.

Матерясь себе под нос, я побежал к ней по мосту, напрягая лёгкие. Рука сжалась крепче, и потащила девчонку обратно к люку. Мне был слышен низкий, рычащий смех, доносившейся из тьмы, клубившейся в люке, что вёл к фундаменту моста.

Девочка закричала:

— Что это, что это, пусти!

— Малышка! — крикнул я. Подбежав к люку, я прыгнул, и как можно сильнее приземлился на волосатую руку, прямо на запястье, обоими каблуками моих туристических ботинок, вгоняя их в грязную плоть.

Из люка донёсся рёв, и хватка пальцев ослабла.

Девочка вывернула ногу, и хотя это стоило ей одного из её дорогих оксфордов и одного гольфа, она с хныканьем вырвалась из чужой хватки. Я подхватил её, и попятился обратно, повернувшись, чтобы всё время быть к люку лицом.

Этот тролль не должен был иметь способность протиснуться через настолько маленький люк — но он смог. Сначала наружу показалась та грязная рука, за ней — бугристое надплечье, а потом неправильной формы голова и омерзительное лицо. Тролль посмотрел на меня, и зарычал, без особых усилий вытягивая себя рывками из люка, будто был резиновый — и в конце концов встал на мосту между мной и дальней стороной реки подобно какому-то профессиональному реслеру, ставшему жертвой пластического хирурга-недоучки. В одной руке он держал тесак примерно двух футов в длину, с костяной рукояткой и подозрительного вида коричневыми пятнами.

— Гарри Дрезден, — пророкотал тролль. — Волшебник лишить Гогоса его законной добыча. — Он махнул тесаком влево и вправо. Лезвие с лёгким свистом рассекло воздух.

Я поднял голову, и сжал челюсти. Никогда нельзя показывать троллю, что ты его боишься.

— Ты о чём, Гогос? Ты не хуже меня знаешь, что

смертных уже трогать нельзя. Неписаные Законы это утвердили.

На лице тролля расплылась воистину отвратительная плотоядная улыбка:

— Непослушные дети, — пророкотал он. — Непослушные дети ещё мои. — Он прищурился, и его глаза начали гореть злым голодом. — Дай! Сейчас же! — Тролль сделал несколько шагов в мою сторону, набирая инерцию.

Я поднял правую ладонь, сделал небольшое усилие воли, и серебряное кольцо на моём безымянном пальце внезапно засияло ясным, прохладным светом, ярче окружавшего нас освещения.

— Закон джунглей, Гогос, — произнёс я спокойным голосом. — Выживает сильнейший. Ещё шаг, и окажешься прямо в категории «слишком тупой, чтобы жить».

Тролль заворчал, не останавливаясь, и занёс один из своих мясистых кулаков.

— Подумай получше, порождение тьмы, — огрызнулся я. Свет, лившийся из моего кольца, приобрёл адский, почти ядерный оттенок. — Ещё шаг, и ты испаришься.

Тролль неуклюже затормозил, и его резиново-склизкие губы расступились, обнажив зловонные

клыки:

— Нет, — прорычал он. По его клыкам потекла слюна, капая на асфальт, пока тролль глядел на девчонку. — Она моя. Волшебник не может вмешиваться.

— Неужели? — осведомился я. — Смотри, как это делается. — И с этим я опустил руку (и лютый серебряный свет вместе с ней), как можно более презрительно ухмыльнулся троллю, развернулся, красиво взмахнув полами моего тёмного дастера, и длинными, уверенными шагами двинулся обратно к Северному Проспекту. Девочка глядела мне через плечо, широко раскрыв глаза.

— Он идёт за нами? — тихо спросил я.

Она моргнула, глядя на тролля, потом поглядела на меня.

— Эм, нет. Просто пялится на тебя.

— Окей. Если начнёт идти сюда, дай мне знать.

— Чтобы ты его превратил в пар? — спросила она нестойким голосом.

— Чёрт, да нет, конечно же. Чтобы мы могли бежать.

— А как же...? — Она коснулась кольца на моей руке.

— Я солгал, малышка.

— Чего!?

— Я солгал, — повторил я. — Я плохо лгу, но тролли не особо умны. Кольцо просто светилось — но он на это купился, и это самое главное.

— Ты же вроде говорил, что ты — волшебник, — обвинила она меня.

— Так и есть, — раздражённо ответил я. — Волшебник, который ещё до завтрака был на спиритическом сеансе, перешедшим в экзорцизм. А потом мне пришлось найти два обручальных кольца и ключи от машины, а потом весь остаток дня бегать за тобой. Я на нуле.

— Ты не смог бы эту… эту тварь взорвать?

— Это тролль. Конечно же смог бы, — весело сказал я. — Если бы я не был так измотан, и если бы я смог сосредоточиться на срок, достаточный, чтобы не взорвать себя вместе с ним. Я плохо целюсь, когда такой усталый.

Мы дошли до края моста, и, как я надеялся, территории Гогоса. Я начал опускать девочку на асфальт. Она была слишком большой, чтобы носить её. Затем я увидел, что одна из её ног висит босой, а на её коленках собирается тёмная запёкшаяся кровь. Я вздохнул, и пошёл по Северному Авеню. Если я смогу пройти вдоль квартала до следующего моста, пересечь его, и добраться обратно вдоль другого квартала за полчаса, то всё

ещё смогу встретить Ника на той стороне.

— Как твоя нога? — спросил я.

Она пожала плечами, хотя на её лице отражалась боль:

— Наверное неплохо. Эта штука была настоящей?

— Ещё как, — сказал я.

— Но это был… это же не…

— Человек, — подсказал я. — Нет. Но чёрт побери, малышка. Многие из тех, кого я знаю, на самом деле не люди. Банди, Мэнсон[4], другие животные. Прямо здесь, в Чикаго, есть Варгасси, работающие из Маленькой Италии, ямайские группировки, другие. Животные. Мир ими полнится.

Девочка шмыгнула носом. Я глянул на её лицо. Она выглядела печальной, и слишком мудрой для своих лет. Моё сердце смягчилось.

— Я знаю, — сказала она. — Мои родители тоже немного такие. Они на самом деле не думают ни о ком другом. Только о себе. Даже друг о друге… за исключением того, что они могут друг для друга сделать. А я — не какая-то игрушка, которую можно держать в шкафу, и вытаскивать при визите гостей, чтобы я могла быть красивее и идеальнее

---

[4] Примечания: 4

Тед Банди, Чарльз Мэнсон — известные американские серийные убийцы.

их собственных игрушек. А в остальное время я им только мешаю.

— Да ладно тебе, — сказал я. — Всё же не настолько плохо, а?

Она глянула на меня, и отвела взгляд:

— Я не вернусь к ним, — сказала она. — Мне всё равно, кто ты, или на что ты способен. Ты не можешь заставить меня к ним вернуться.

— А вот тут-то ты и ошибаешься, — сказал я. — Я не собираюсь оставить тебя здесь.

— Я слышала, как ты говорил с твоим другом, — сказала она. — Мои родители пытаются вас облапошить. Почему ты всё ещё со мной таскаешься?

— Мне ещё шесть месяцев нужно проработать на лицензированного детектива, прежде чем я смогу сам получить лицензию. И у меня есть глупые принципы насчёт того, что нельзя оставлять детей посреди больших, жестоких городов после наступления ночи.

— По крайней мере, здесь никто не пытается лгать мне, и говорить, что им не всё равно, мистер. Я вижу все эти Диснеевские мультики про то, как родители любят своих детей. Что есть какие-то волшебные узы любви. Но это ложь. Как было у тебя с тем троллем. — Она положи-

ла голову мне на надплечье, и я почувствовал утомление в её теле, когда она обмякла у меня на руках. — Нет никакой магии.

Несколько шагов я молчал, просто неся её. Трудно было слышать такое от ребёнка. Мир десятилетней девочки должен быть полон музыки, хихиканья, записок, кукол, и мечтаний. А не жёсткой, пустой, слишком много повидавшей реальности. Если в сердце ребёнка не было света, в сердце такой девчушки, то на что можем надеяться мы, остальные?

Несколько шагов спустя я осознал нечто, в чём ранее отказывался сам себе признаваться. Тихий, холодный голосок пытался сказать мне что-то, что я не хотел слышать. Я занимался ремеслом волшебника, чтобы попытаться помочь людям. Попытаться обратить всё к лучшему. Но со сколькими бы злыми духами я ни столкнулся, сколько бы перспективных чёрных магов я не выследил, всегда было что-то ещё, что-то похуже, ожидающее меня во тьме. Сколько бы потерянных детей я ни нашёл, всегда будет в десять раз больше тех, кто пропал навсегда.

Сколько бы я ни сделал, сколько бы мусора я не убирал, это была лишь капля в море.

Тяжёлые мысли для парня вроде меня — уста-

лого, обессилевшего, с изнывающими от веса девчонки руками.

Меня заставили поднять взгляд вспышки света. Устье одного из переулков между зданиями было перекрыто полицейской лентой, и четыре машины со включёнными мигалками были припаркованы на улице вокруг этого переулка. Несколько парамедиков тащили из переулка на носилках укрытое простынёй тело. Стробоскопические вспышки камер освещали переулок резкими белыми отстветами.

Я нерешительно остановился.

— Что? — пробормотала девочка.

— Полиция. Может, мне следует тебя отдать.

Я ощутил, как она устало пожала плечами:

— Они всего лишь вернут меня домой. Мне всё равно. — Она снова обмякла, прижавшись ко мне.

Я сглотнул. Асторы входили в число элиты Чикаго. У них хватало влияния в старой части города, чтобы надолго упечь никчёмного будущего детектива за решётку. И они могли себе позволить лучших адвокатов.

«Мир — паршивое место, Дрезден», — сказал мне тот холодный голосок. — «И хорошие ребята не победят, разве что у них тоже будет дорогой

адвокат. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как угодишь в обезьянник».

Мои губы скривились в горькой улыбке, когда один из облачённых в форму копов, какая-то женщина, заметила меня, и хмуро глянула в мою сторону. Я развернулся, и пошёл в обратную сторону.

— Эй, — сказала полицейская. Я продолжил идти. — Эй! — сказала она снова, и я услышал быстрые шаги по тротуару.

Я поспешил дальше во тьму, и шагнул в первый же переулок. Тени позади кучи ящиков создали идеальное убежище, и я затащил туда вместе с собой девочку. Я присел там, во тьме, и подождал, пока шаги полицейской не приблизились, а затем прошли мимо.

Я ждал в темноте, и ощутил, как вся тяжесть и тьма укоренились в моей коже, в моей плоти. Девочка лишь дрожала, и прижималась ко мне, не двигаясь.

— Просто оставь меня, — сказала она наконец. — Перейди мост. Оно позволит тебе перейти мост, если меня с тобой не будет.

— Да, — отозвался я.

— Так иди. Я пойду к полиции, когда уйдёшь. Или типа того.

Она лгала. Не уверен, как я это определил, но я мог это чувствовать.

Она пойдёт на мост.

Мне говорили, что смелость — это делать то, что нужно, даже если боишься. Но иногда я гадаю, а не была ли смелость чем-то гораздо более простым. Иногда, как мне кажется, смелость — это подняться ещё один раз с земли. Заполнить ещё один комплект бумаг, даже если не хочешь. Может, это просто обычное упрямство, не знаю.

Не важно. Для меня — не важно. Я волшебник. Мне тут на самом деле не место. Наш мир — отстой. Может, в нём комфортно троллям, вампирам, и всем остальным отвратительным, плотоядным тварям, что преследуют нас в кошмарах (пока мы прижимаем к груди учебники по физике, и уверяем себя, что они не могут существовать), но я был его частью. Отказывался быть.

Я сделал вдох, в темноте, и спросил:

— Как тебя зовут?

Она немного помолчала, а затем очень неуверенным голосом сказала:

— Вера[5].

---

[5] Примечания: 5

англ. *Faith* — буквально Вера. Да, есть у них и такое имя.

— Вера, — сказал я. Я улыбнулся так, чтобы она услышала это в голосе. — Меня зовут Гарри Дрезден.

— Привет, — произнесла она шёпотом.

— Привет. Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? — Я сложил ладонь чашей, призвал остатки своего могущества, и вложил тёплый, сияющий свет в кольцо на моей правой руке. Он осветил лицо Веры, и я смог увидеть на её гладких щеках следы от слёз, которые я ранее не услышал.

Она покачала головой.

— Вот, — сказал я, и снял кольцо с пальца. Затем я надел его ей на правый большой палец, где оно неплотно село. При этом свет погас, снова оставив нас в темноте. — Давай-ка я тебе кое-что покажу.

— Батарейка села, — пробормотала она. — У меня нет денег на другую.

— Вера? Ты помнишь самый лучший день в твоей жизни?

С минуту она молчала. Затем произнесла едва слышным голосом:

— Да. Рождество. Бабушка тогда ещё была жива. Бабушка обращалась со мной хорошо.

— Расскажи мне об этом дне, — тихо подтолкнул я её, и накрыл её ладонь своей.

Я почувствовал, как она пожала плечами.

— Бабушка приехала в сочельник. Мы играли. Она была согласна со мной играть. И мы не спали, сидя на полу у ёлки, ждали Санта Клауса. Она позволила мне открыть один подарок, на сочельник. Тот самый, который принесла она.

Вера судорожно вздохнула.

— Это была кукла. Настоящая детская кукла. Мать и отец уже купили мне Барби, всю линейку за тот год. Они сказали, что если я оставлю их все в оригинальной упаковке, то позже они будут стоить много денег. Но бабушка слушала, когда я говорила, чего хочу на самом деле. — И тут я услышал её — крошечную улыбку в её голосе. — Бабушке я была небезразлична.

Я убрал свою руку, и мягкий, розоватый свет потёк из кольца вокруг её большого пальца — любящее, нежное тепло. Я услышал, как Вера удивлённо ахнула, а затем её губы расплылись в улыбке восхищения.

— Но как? — прошептала она.

Я улыбнулся ей:

— Магия, — сказал я. — Самая лучшая магия. Толика света во тьме.

Она подняла на меня взгляд, изучая моё лицо, мои глаза. Я отпрянул, увидев проницательность

в её взгляде.

— Мне же нужно вернуться, верно? — спросила она.

Я убрал упавшею ей на лоб прядь волос.

— Есть люди, которые тебя любят, Вера. Или полюбят однажды. Даже если ты не можешь видеть их рядом с собой, прямо здесь и сейчас, они где-то есть. Но если ты позволишь тьме заполнить твои глаза, то можешь и не найти их никогда. Поэтому лучше всего иметь с собой немного света на жизненном пути. Как думаешь, ты сможешь это запомнить?

Она кивнула залитым светом от кольца лицом.

— Когда станет слишком темно, думай о хороших вещах, что есть сейчас, и о хороших временах, что были раньше. Это поможет. Обещаю.

Она прижалась мне, и просто, доверчиво обняла. Мои щёки потеплели от этого. Ну что за ерунда.

— Нам пора, — сказал я ей. — Надо перебраться через тот мост, и встретиться с моим другом Ником.

Она пожевала губу, на её лице немедленно отразилось беспокойство:

— Но тролль…

Я подмигнул ей:

— Его оставь на меня.

Нести девочку обратно было гораздо менее тяжело. Я посмотрел на приближающийся мост. Может, если повезёт, я смогу пробежать по нему, и тролль не сможет меня остановить.

Ага. А ещё я, быть может, когда-нибудь схожу в музей изобразительных искусств, и получу всестороннее образование.

Мосты — это специальность троллей. То ли из-за какой-то магии, то ли просто из-за их склонности, но ты никогда не мог пересечь мост, не столкнувшись с троллем. Видимо, такова жизнь.

Я поставил девочку на землю рядом с собой, и подошёл к мосту.

— Ладно, Вера, — сказал я. — Что бы ни случилось, беги на ту сторону моста. Мой друг Ник должен там остановиться с минуты на минуту.

— А ты?

Я небрежно размял шею:

— Я волшебник, — сказал я. — Я с ним справлюсь.

Вера ещё раз одарила меня чрезвычайно скептичным взглядом, и нашарила мою ладонь. Её пальцы ощущались очень маленькими и очень тёплыми в моей руке, и по мне прокатилась яростная волна решимости. Что бы ни случилось,

я никому не позволю навредить этому ребёнку.

Мы вышли на мост. Те немногие фонари, что ярко горели ранее, теперь погасли. Работа Гогоса, несомненно. Над мостом царила ночь, а река Чикаго журчала мимо — гладкая, холодная и чёрная поверхность внизу.

— Мне страшно, — прошептала Вера.

— Он просто большой забияка, — сказал я ей. — Взгляни ему в лицо с уверенностью, и он отступит. — Я очень надеялся, что это было правдой. Мы продолжили шагать, по широкой дуге обойдя тот самый люк на вершине моста — я держал своё тело между Верой и входом в логово тролля.

Наверное, Гогос на это и рассчитывал.

Я услышал, как Вера снова закричала, резко повернул голову, и увидел толстую, волосатую руку тролля, вытянувшуюся из-за края моста — сам тролль висел сбоку подобно какому-то огромному, жирному пауку. Я огрызнулся, снова наступил ему на пальцы, и тролль в ярости заревел. Вера выскользнула, и я толкнул её в сторону дальней стороны моста.

— Беги, Вера!

Рука тролля сделала мне подсечку, и сам тролль резко перепрыгнул через перила моста — слишком эластичный и быстрый для своих размеров.

Его горящие глаза сфокусировались на бегущей Вере, и из его рта вытекла ещё одна порция склизкой слюны. Существо взмахнуло своим тесаком, и пригнулось, чтобы прыгнуть вслед за ребёнком.

Я подобрал под себя ноги, заорал, и кинулся троллю на ногу, обвив своими длинными ногами ноги существа. Тролль заревел от ярости, и повалился вместе со мной на мост. Я услышал, что хохочу, и решил, что я, вне всяких сомнений, слегка поехал крышей.

Тролль схватил меня за край плаща, и швырнул о перила с такой силой, что у меня искры из глаз посыпались.

— Волшебник, — огрызнулся Гогос, плюясь слюной и пеной. Его тесак снова рассёк воздух, пока тролль осторожно шагал в мою сторону. — Теперь ты умирать, и Гогос жевать твои кости.

Я поднялся на ноги, но было слишком поздно. У меня не было времени бежать, или перепрыгнуть через перила.

Вера закричала «Гарри!», и розовый свет затопил мост, заставив тролля резко обернуться к той стороне реки. Я нырнул влево, и побежал в сторону Веры и прочь от тролля. Я поднял взгляд, и увидел, что машина Ника с рёвом неслась к мосту на такой скорости, по которой стало ясно:

мой напарник увидел — что-то не так.

Тролль побежал следом, и хотя я успел оторваться от него на несколько шагов, у меня появилось неприятное понимание того, что этот зверь бегал быстрее меня. Послышался свист рассекающего воздух тесака, и я ощутил, как что-то чиркнуло меня по коже на голове. Я мотнулся вправо, пригнувшись, и второй удар разминулся с моей головой на ещё более малое расстояние. Я споткнулся, упал, и тролль во мгновение ока оказался сверху.

Я перевернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как он поднимает над собой свой окровавленный теска, и почувствовать его слюну, капающую мне на грудь.

— Волшебник! — проревел тролль.

Послышался крик, и полицейская — та самая, которая раньше последовала за нами — прыгнула троллю на спину, и захватила ему горло своей дубинкой. Она отработанным движением повернула дубинку, и у тролля выпучились глаза. Его огромный тесак выпал из хватки Гогоса, и со звоном упал на мостовую.

Полицейская наклонилась назад, заставив тролля выгнуть спину дугой… но она имела дело отнюдь не с человеком. Существо изогнуло голо-

ву, извилось, и выскользнуло из её хватки, после чего раскрыло пасть, и его яростный рёв буквально сдул фуражку у патрульной с головы, заставив её отшатнуться назад с широко распахнутыми глазами. Разъярённый тролль засадил кулаком по мостовой, оставив на ней трещины, и занёс второй кулак, чтобы вогнать ей в череп.

— Эй, урод, — крикнул я.

Тролль повернулся ко мне как раз вовремя, чтобы увидеть, как я с хэканьем бью ему в бок массивным тесаком.

Гнилая, грязная плоть у него под рёбрами разошлась с воем и резким движением. Гогос запрокинул голову, и испустил пронзительный, вопящий вой. Я попятился, зная, что будет дальше.

Бедная полицейская с побелевшим от ужаса лицом смотрела, как рана тролля разорвалась, и дюжины, сотни, тысячи крошечных, извивающихся фигур полились из рассечённой плоти, вопя и визжа. Массивные ноги твари сдулись подобно старым баскетбольным мячам, медленно спадаясь по мере того, как мост заполняли мириады крошечных троллей, чьи уродливые головки были не больше портрета президента на монете. Они лились из Гогоса целым потоком, выплёски-

ваясь на мост корчащейся, извивающейся ордой.

Щёки тролля запали, глаза исчезли. Его рот открылся будто в ленивой зевоте, и, когда кожистая, грязная сумка с крошечными троллями опустела, тело стало оседать на мостовую, пока не улеглось там подобно брошенному, отвратительному плащу.

Полицейская пялилась на это с открытым ртом, пытаясь выдавить из себя слова молитвы или ругательства. Свет от фар машины Ника повернул, и залил мост, и с двумя десятками тысяч возмущённых воплей крошечные тролли разбежались от света во все стороны.

Несколько секунд спустя остались лишь я, Вера, полицейская, и Ник, приближавшийся к нам по мосту. Вера бросилась ко мне, и быстро обняла меня за талию. Её глаза светились от восторга.

— Я в жизни не видела ничего более отвратительного. Я хочу быть волшебницей, когда вырасту.

— Это был… был… — ошарашенно сказала полицейская. Она была низкорослой, коренастой, а под потерянной фуражкой обнаружились плотно заплетённые светлые волосы.

Я подмигнул Вере, и кивнул полицейской:

— Тролль. Знаю. — Я подошёл к фуражке, и

отряхнул с неё пыль. Несколько троллей, возмущённо пища, выпали на мостовую, и поспешно бросились прочь. Полицейская ошарашенно пялилась. — Эй, большое спасибо за помощь, офицер… — Я прищурился на её значок. — Мёрфи. — Я с улыбкой протянул ей фуражку.

Она взяла её онемевшими пальцами.

— О, Боже. Я правда сошла с ума. — Она несколько раз моргнула, затем хмуро глянула мне в лицо. — Ты. Ты же тот преступник из описания похищения Астор.

Я открыл рот, чтобы возразить, но оказалось, что мне и утруждать себя не пришлось.

— Вы шутите? — презрительно ухмыльнулась Вера Астор. — Этот… шут? Меня похитил? Да он бы и сигарету у Ковбоя Мальборо стрельнуть не смог. — Она повернулась ко мне, и подмигнула. Затем протянула Мёрфи свои запястья. — Признаюсь, офицер. Я сбежала. Упеките меня в каталажку, и выбросьте ключ.

Мёрфи, к её чести, вроде бы принимала всё достаточно неплохо для человека, который только что столкнулся лицом к лицу с чудовищем из-под кровати. Она подняла свою дубинку, и подошла к Вере, осмотрев её на предмет ран, после чего подозрительно глянула на нас с Ником.

— Ну, вот, — сказал Ник, остановив своё коренастое тело прямо рядом со мной. — Сейчас начнётся. Ты, каланча, будешь спать на верхней койке, но мыло твоё в душе я подбирать не буду.

Полицейская посмотрела на нас с Ником. Затем на девочку. Затем, более задумчиво, на кожистый комок, когда-то бывший троллем по имени Гогос. Её взгляд метнулся обратно на нас с Ником, и она сказала:

— А вы разве не те двое, что держат «Рваный Ангел»? Детективное агентство, которое ищет пропавших детей.

— Держу я, — обречённым голосом сказал Ник. — А он на меня работает.

— Ага, именно так, — вставил я, просто чтобы дать Нику знать, что на зону он отправится не один.

Мёрфи кивнула, и поглядела на девочку:

— Ты в порядке, милая?

Вера шмыгнула носом, и улыбнулась Мёрфи:

— Немного проголодалась, и я бы хотела чем-нибудь промыть эти царапины. Но помимо этого я чувствую себя весьма хорошо.

— И эти двое тебя не похищали?

Вера фыркнула:

— Да ладно вам.

Мёрфи кивнула, затем ткнула своей дубинкой в сторону меня и Ника:

— Мне нужно об этом доложить. А вам — испариться раньше, чем сюда доберётся мой напарник. — Она кинула взгляд верху вниз на Веру, и подмигнула. Вера улыбнулась ей в ответ, задрав голову.

Мёрфи повела девочку обратно к дальней стороне моста, и к другим отрядам полиции. Мы с Ником медленно пошли к его машине. Широкое, честное лицо Ника приняло выражение нервного ликования.

— Поверить не могу, — сказал он. — Поверить не могу, что это случилось. Это же был тот тролль, как его там?

— Это был Гогос, — весело сказал я. — Тролли на этом мосту ещё очень долго не потревожат ничего, что размером превышает крошку хлеба.

— Поверить не могу, — снова сказал Ник. — Я думаю, что нам хана. Не могу поверить.

Я оглянулся на мост. На той стороне на цыпочках стояла девочка, и махала рукой. Из кольца на её правом большом пальце лился мягкий розовый свет. Мне было видно улыбку на её лице. Полицейская тоже смотрела на меня с задумчивым лицом. Затем на её лице появилась улыбка.

Может, современная жизнь и отстой. И мир, который мы сотворили, может быть тёмным местечком. Но, по крайней мере, мне не придётся быть там одному.

Я приобнял Ника рукой за плечи, и улыбнулся ему:

— Да я ж тебе всё время твержу, приятель. Надо верить.